

ВЫБОР СОЮЗА И VS. НО/А ПРИ СОЧИНЕНИИ ДВУХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ОЖИДАНИЕ» И «НОРМА»)

Урысон Е. В. (uryson@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: сложносочиненное предложение, соединительный союз, противительный союз, норма, ожидание, организация текста, стратегия говорящего

CONJUNCTIONS / 'AND' VS. NO/A 'BUT' BETWEEN TWO COORDINATE CLAUSES (REFINEMENT OF THE TERMS "EXPECTATION" AND "NORM")

Uryson E. V. (uryson@gmail.com)

Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The paper deals with the Russian coordinating conjunctions *i* 'and' vs. *no/a* 'but' in a compound sentence. It is common knowledge that in a sentence like "Q, *i* P" the conjunction *i* 'and' marks correspondence to a certain "norm" while in a sentence like "Q *no/a* P" an adversative conjunction 'but' marks discrepancy between "norm" and the expressed state of affairs. The problem is that in some cases both *i* 'and' and *no/a* 'but' can be used. Another problem is that in some cases the usage of these conjunctions hardly can be interpreted in the terms of "norm". I demonstrate that relevant facts can be adequately described if the basic concept of semantic interpretation is "expectation", but not "norm". Expectation can be induced by (a) common knowledge of laws of nature; (b) common notions of human life, social relations, etc.; (c) text grammar. The conjunction *i* 'and' marks correspondence to the expectation and the conjunctions *no/a* 'but' mark the cancelled expectation in all cases. But the cancelled expectation is obligatorily marked in the case (a), but not (b). As for case (c), text grammar induces merely two expectations: (c1) P has the same general "microtopic" as Q; (c2) P has the same object in the focus as Q. The propositions P and Q can have the same general "microtopic", but different objects in the focus. It is Speaker who chooses strategy for marking this or that case.

Key words: compound sentence, Russian coordinating conjunctions, norm, expectation, text grammar, Speaker's strategy

1. Объект исследования и постановка задачи

Объект работы — сложносочиненное предложение, состоящее из двух предложений, соединенных союзом *и*, *но* или *а*. Таким образом, не рассматривается случай, когда союз *и* соединяет однородные члены предложения, т. е. оформляет перечисление; ср. *Маша, Миша и Наташа поехали в Грецию*.

В традиционной русистике все три союза считаются многозначными, при том что каждый из них обладает достаточно четким семантическим «ядром». Такой подход удобен для лингвистического «портретирования» каждого союза, и мы пользуемся им в работах (Урысон 2000; 2002; 2004; 2006; 2011a). Оказалось, однако, что выбор союза в сложносочиненном предложении обусловлен, прежде всего, ядерной частью его значения (которая, разумеется, должна быть семантически согласована с контекстом), а также некоторыми требованиями к организации связного текста. Поэтому для целей данной работы оказалось возможным не делить союзы на значения.

Сложносочиненное предложение может быть частью большего текста (например, повествования или диалога) или, напротив, отдельным сообщением. Если не оговорено обратное, то предложение рассматривается как отдельное сообщение.

Выбор соединительного союза (*и*) или противительного (*но*, *а*) при сочинении предложений *Q* и *P* обусловлен как минимум двумя факторами: (а) семантикой самого союза (Левин 1970; Санников 1989; Lakof R. 1971; Carlson 1985; Blakemore 1987; Kitis 2000; Урысон 2011a) и (б) стратегией построения высказывания. Начнем с первого фактора.

Центральным компонентом семантики союза считается 'соответствие/несоответствие норме', причем норма обычно понимается как нормальная картина мира, а несоответствие норме — как «отклонение от нормальной картины мира» (Вольф 1986: 186). Если сочетание ситуаций 'Q' и 'P' соответствует норме, то это маркируется соединительным союзом (Левин 1970; Санников 1989; Урысон 2000; 2004; 2011a). Ср.

(1) *Стало тепло (Q), и я снял шубу (P).*

Несоответствие сочетания 'Q' и 'P' некоторой норме оформляется противительным союзом (Левин 1970; Санников 1989; Carlson 1985; Blakemore 1987; Kitis 2000; Урысон 2004; 2006; 2011a). Ср.

(2) *Стало тепло (Q), но/а я не снимал шубу (P).*

Очевидно, что представление о конкретной норме (например, о том, что в теплую погоду люди носят более легкую одежду, чем в холодную) является частью наших знаний о действительности. Таким образом, употребление выбранных союзов опирается как на знание языка (в данном случае семантики союза), так и на представления о мире.

Знания о мире не являются компонентом семантической системы языка, однако в языке существуют специальные единицы, указывающие на соответствие чего-либо норме или, наоборот, на отклонение от нормы. К числу таких

единиц относятся и сочинительные союзы *и, но/а*. Понятие нормы для описания семантики введено, по-видимому, Э. Сепиром (1944), а в московской семантической школе специально обосновано Ю. Д. Апресяном (1974).

С понятием нормы тесно связано понятие ожидания, тоже широко используемое в лингвистике. В частности, центральным компонентом семантики союзов *и, но/а* можно считать не 'норму', а 'ожидание', точнее: 'соответствие/несоответствие ожиданию' (см. описание союзов *если* и *хотя* в книге Падучева 2004). Заметим, что ожидание индуцируется знанием нормы, поэтому во многих случаях 'соответствие/несоответствие ожиданию' равнозначно 'соответствию/несоответствию норме'. Однако ожидание может быть индуцировано и другими факторами. Возможная природа ожидания и соотношение понятий 'ожидание' и 'норма' обсуждается ниже.

Итак, мы рассматриваем сложносочиненное предложение вида $Q, \text{ и/но } <a> P$. Оно описывает некоторое положение дел, т. е. совокупность ситуаций: 'Q' и 'P'. Каждая ситуация описывается своим предложением (Q или P). Что касается сочинительного союза, то он выполняет метатекстовую функцию в смысле А. Вежбицкой (1972), т. е. помогает адресату воспринять смысл всего высказывания. Рассмотрим это подробнее.

2. Ожидание и знание законов мира: два типа нормы

Первая пропозиция Q активизирует у адресата некоторый фрагмент знания. Просодически данная пропозиция оформлена как незавершенное высказывание. Благодаря этому адресат ожидает продолжения, но не любого, а такого, которое по смыслу как-то связано с пропозицией Q. (Ср. одну из первых работ на эту тему (ван Дейк 1978); наше дальнейшее рассуждение отличается от рассуждения в этой работе.) Рассмотрим некоторые возможности.

2.1. Ожидание и объективная норма

Пропозиция Q индуцирует у адресата, в частности, ожидание, что ситуация типа Q влияет на положение дел так, как это всегда бывает. Иными словами, ожидание соответствует знанию, как ситуация типа Q влияет на положение дел (например, как температура воздуха влияет на выбор человеком одежды). Это может быть ожидание, что имеет место 'не-P' (например, когда воздух становится теплым, человек не носит теплую одежду). Вторая пропозиция (P) может соответствовать этому знанию, и тогда высказывание оформляется соединительным союзом, ср. (1а). Но пропозиция P может противоречить этому знанию, и это противоречие маркируется противительным союзом *но* или *а*, ср. (1б). Аналогичные примеры:

(3) *Шли сильные дожди (Q), и дороги размыло (P).*

(4) *Шли сильные дожди (Q), но/а дороги не размыло (P).*

(5) *Был сильный мороз (Q), и Ваня мерз (P).*

(6) *Был сильный мороз (Q), но/а Ваня не мерз (P).*

Знания удобно записывать в виде фреймов или сценариев. С некоторым упрощением, знание действительности — это знание фреймов (сценариев). В разбираемых случаях знание — это общеизвестные представления о каузальных связях нашего мира, например, «в теплую погоду люди носят более легкую одежду, чем в холодную», «мороз действует на человека так-то и так-то», «сильные дожди размывают дороги». Такие каузальные связи в норме не нарушаются — они относятся к законам природы. Ожидание, индуцированное знанием законов природы, можно назвать объективным.

В подобных высказываниях соединительный и противительный союзы заменимы с большим трудом (напомним, что сейчас мы рассматриваем сложносочиненное предложение как отдельное сообщение, т. е. вне контекста). Ср.

(1a) *??Стало тепло (Q), но я снял шубу (P).*

(2a) *??Стало тепло (Q), и я не снимал шубу (P).*

(3a) **Шли сильные дожди (Q), но/а дороги размыло (P).*

(4a) **Шли сильные дожди (Q), и дороги не размыло (P).*

(5a) **Был сильный мороз (Q), но Ваня мерз (P).*

(6a) **Был сильный мороз (Q), и Ваня не мерз (P).*

Однако парадоксальным образом в некоторых случаях союзы *и* и *но* (или *а*) взаимозаменяемы. Перейдем к этому материалу.

2.2. Ожидание и субъективная норма

Тот факт, что в каких-то высказываниях союзы *и* и *но* /*а* взаимозаменяемы, отмечается В. З. Санниковым (1989). Ср.

(7) *Коля пошел на охоту (Q), но вернулся с пустыми руками (Q).*

(8) *Коля пошел на охоту (Q) и вернулся с пустыми руками (Q).*

Возможная интерпретация этого факта такова: некоторые нормы, или «законы жизни» являются более жесткими, ср. материал из п. 2.1, а некоторые — менее жесткими. Нарушение менее жесткой нормы маркируется (противительным союзом) необязательно [Санников 1989]. Приведем аналогичные примеры:

- (9) *Катя купила юбку (Q), но/и она ей не подошла (P).*
- (10) *Он хотел уехать из Москвы (Q), но /и не уехал (P).*
- (11) *Она сказала, что вышла замуж (Q), но/и это была неправда (P).*

Требуется понять, в чем состоит содержательное различие между этими двумя типами норм.

На наш взгляд, в случаях типа (7)–(11) ситуация типа Q, хотя и влияет на положение дел, но сама по себе не обуславливает ситуацию типа не-Р. Так, ситуация 'субъект купил что-либо' сама по себе не влечет за собой ситуацию 'у субъекта появилась нужная хорошая вещь'. Но такое положение дел представляется нам правильным, естественным, поэтому ожидание такого положения дел можно назвать «идеальным», или субъективным. Оно базируется на некоей идеальной картине мира. В этой картине мира зафиксированы не законы природы, а представления об идеальном, «образцовом» положении дел в человеческом обществе. Ясно, что такое ожидание вполне может нарушаться и нарушается. Его нарушение маркируется противительным союзом, однако он легко заменим на соединительный, ср. (8), а также (9)–(11). При этом соответствие ожиданию маркируется только соединительным союзом, ср.

- (12) *Катя купила юбку (Q), и/*но она ей подошла (P).*

Субъективное ожидание — это необязательно ожидание хорошего: в идеальной картине мире определенные ситуации влекут за собой плохое. Приведем пример (из книги В. З. Санникова (1989)):

- (13) *Он заболел (Q), и/но выздоровел (P).*
- (14) *Он заболел (Q), и/*но умер (P).*

Ситуация 'субъект заболел' индуцирует субъективное ожидание плохого: субъект будет болеть долго, если не всегда, или даже умрет. Поэтому нормальные высказывания: *Он заболел и умер* [соответствие ожиданию] и *Он заболел, но выздоровел* [несоответствие ожиданию]. Однако это ожидание, как и всякое субъективное ожидание, вполне может нарушаться. Поэтому нормальные высказывания: *Он заболел и выздоровел*, а также *Он тяжело болел и не умер*. Однако плохо: **Он заболел, но умер*, потому что описываемое положение дел соответствует идеальной картине мира (болезнь влечет за собой плохие последствия, возможно смерть), и это не может маркироваться союзом *но*.

На первый взгляд, ожидание в (13)–(14) кажется странным — оно расходится с нашими бытовыми представлениями, на что обратил внимание В. З. Санников (1989). Однако семантическая система языка (или, выражаясь иначе, языковая картина мира) сложилась достаточно давно и не всегда поспевает за изменениями жизни (в частности за успехами в медицине). В языковой

картине мира (по крайней мере, русской) болезнь по-прежнему ассоциируется не с выздоровлением, а с длительным продолжением или даже со смертью.

Для описания выбора союза *и* vs *но/а* нам понадобилось ввести представление о двух нормах: объективной и идеальной. Однако расщепление понятия «норма» на два более частных понятия необходимо и для описания других, причем больших групп лексики. Это, прежде всего, само слово *норма* и его аналоги: *образец, стандарт, эталон, шаблон*. Это также большой класс параметрических и оценочных прилагательных; ср. *большой, маленький, широкий, узкий, высокий, низкий* и т. п., *хороший, плохой, верный, удобный, вкусный* т. п. (Урысон 2011б). Таким образом, предлагаемое описание употребления союзов *и* vs *но/а* системно: оно базируется на понятиях, используемых при описании других классов языковых единиц. Заметим, что понятия объективной и идеальной нормы соответствуют двум интерпретациям нормы в философии — философское понятие объективной (статистической) нормы разработано Спинозой, а философское представление об идеальной норме — Юмом (Арутюнова 1988).

Естественно предположить, что для адекватного представления языковых фактов требуется предусмотреть в базе знаний два «раздела»: в одном отражается объективная картина мира, а в другом — идеальная, или субъективная картина мира (представление об идеале). В объективной картине мира зафиксированы физические, химические, биологические и другие естественно-научные законы — ненарушаемые законы природы. В субъективной картине мира фиксируются представления о нормальном, т. е. хорошем социуме, о человеческих действиях и их нормальных следствиях, о нормальных человеческих взаимоотношениях, а также о человеческой жизни, ее протекании и т. п. Действительность часто не соответствует этим представлениям, т. е. субъективная картина мира отражает не законы, а всего лишь наши, часто не вполне осознаваемые ожидания относительно поведения людей, о жизни и смерти и т. п.

Можно предположить, что оба раздела базы знаний содержит утверждения вида: Если P, то Q. Например: Если идут сильные дожди, то дороги размывает; Если погода теплая, люди носят легкую одежду; и т. п. Однако субъективная картина мира описывается утверждениями, снабженными знаком вроде «По субъективному человеческому представлению». Например: По субъективному человеческому представлению, если кто-то покупает себе новую вещь, она ему подходит; По субъективному человеческому представлению, если кто-то заболевает, он может болеть долго или умереть. При этом сценарии, предполагаемые объективной картиной мира, ненарушаемы (их нарушение люди обычно считают чудом), а сценарии субъективной картины мира, напротив, скорее двойственны (ожидается, чтобы было так, но бывает и иначе).

Различия между сочинением, основанным на «объективной норме», и сочинением на основе «идеальной нормы» в некоторой степени отражается в перифразах сложносочиненных предложений.

Сложносочиненное предложение, указывающее на соответствие объективной норме, легко перифразируется в сложноподчиненное (благодарим за это замечание анонимного рецензента). Ср.

- (3) *Шли сильные дожди, и дороги размыло — Дороги размыло, потому что шли сильные дожди.*

Кроме того, такие предложения допускают вставку слов или выражений *поэтому, в результате, вследствие этого* и т.п. непосредственно после союза *и*. Ср. *Шли сильные дожди, и поэтому <и вследствие этого, и в результате> дороги размыло.*

Что касается сложносочиненных предложений, отсылающих к идеальной норме, то многие из них подобных перифраз не допускают. Ср. *Катя купила юбку, и она ей (не) подошла — *Юбка (не) подошла Кате, потому что она ее купила; * Катя купила юбку, и поэтому она ей (не) подошла.* Однако для многих подобных предложений такие перифразы возможны. Ср.

- (15) *Они прилетели в Филадельфию (Q), и Лиза с ними там повидалась (P).*

В соответствии с предлагаемой интерпретацией, пропозиция Q индуцирует здесь субъективное ожидание ситуации P. Действительно, при нарушении такого ожидания в сложносочиненном предложении возможны как противительный союз *но*, так и соединительный союз *и*.

Ср. (16) *Они прилетели в Филадельфию (Q), но/и Лиза там с ними не повидалась (P).*

Между тем, (15) допускает практически те же перифразы, что и (3). Ср.

- (17) *Они прилетели в Филадельфию (Q), и Лиза там с ними повидалась (P). — Лиза с ними повидалась, потому что они прилетели в Филадельфию. — Они прилетели в Филадельфию, и поэтому Лиза с ними там повидалась.*

Дело в том, что пропозиции в (15) связаны «слабым отношением обусловленности» по (ван Дейк 1978), благодаря чему этот пример и допускает перифразы, характерные для предложений, отражающих объективную картину мира. В связи с этим возникает задача выяснить, допускает ли объективная картина мира, т.е. законы природы, отношение слабой обусловленности. Если нет — то это отношение является принадлежностью лишь субъективной картины мира, и тогда оказывается, что соответствующие предложения в той или иной степени могут сближаться со сложносочиненными предложениями, отражающими объективную картину мира.

Найти четкие и тем более формальные различия между двумя описываемыми классами сложносочиненных предложений пока не удалось.

3. Ожидание и законы организации текста

Первая пропозиция Q сложносочиненного предложения активизирует у адресата не только некоторый фрагмент знания действительности, но и знание законов текста, в частности, законов развития повествования. Это знание индуцирует у адресата ожидание того, что (а) продолжение будет «на ту же

тему» или (б) в фокусе сохранится тот же объект. Подобное ожидание обусловлено тем, что, восприняв Q, адресат настраивается на данную тему/на данный объект. Эта настроенность обусловлена спецификой нашего восприятия информации, некоторой инерционностью нашего сознания. Поэтому такое ожидание можно условно назвать «инерционным». Оно сближается с хорошо известными в психологии установками восприятия (Узнадзе 1949). Пример:

(18) *В лесу теперь тоскливо (Q), и дома тоже скучно, заняться нечем (P).*

Обе пропозиции здесь — на одну тему («скучно»), поэтому данное предложение оформляется соединительным союзом. Данное требование к пропозициям, соединяемым английским *and* 'и', впервые было отмечено в работе (Lakoff R. 1971). Подробнее о понятии темы (микротекста) см. Урысон 2011.

Однако в первой пропозиции в фокусе внимания — лес, а во второй — дом. Смена фокуса маркируется противительным союзом; в современном русском языке это союз *a* (Kalkova, Podlesskaya 2001; Урысон 2002; 2004; 2011a). Поэтому в (18) возможна замена союза *и* на союз *a*. Ср.

(19) *В лесу теперь тоскливо (Q), а дома тоже скучно, заняться нечем (P).*

Что именно маркировать (сохранение темы или смену объекта в фокусе), выбирает говорящий — это его стратегия построения сложносочиненного предложения.

Инерционное ожидание не нарушается даже при несоответствии P сценарному или субъективному ожиданию, т.к. вторая пропозиция P сохраняет некоторую общую микротему («что происходило в описываемое время»). Однако сценарное ожидание сильнее инерционного — оно больше влияет на выбор союза. Поэтому нарушение сценарного ожидания в отдельном сообщении маркируется обязательно, т.е. в этом случае всегда выбирается противительный союз (хотя теоретически могло бы маркироваться сохранение инерционного, т.е. выбираться соединительный союз); ср. (1a), (2a), (3)–(5).

Напротив, в случае нарушения субъективного ожидания говорящий может выбирать, маркировать ли нарушение этого ожидания или сохранение инерционного, ср. (7) и (8), а также (9)–(11). Иными словами, в случаях типа *Катя купила юбку, и она ей не подошла* союз *и* маркирует сохранение темы микротекста («что имело место в описываемое время»).

Языки могут различаться стратегиями, предпочитаемыми в тех или иных случаях. Так, в определенных контекстах в русском языке почти обязательно маркировать (союзом *a*) смену объекта в фокусе. Ср.

(20) *Что делают дети? — Ваня читает, а Маша рисует.*

В английском в подобных случаях обычно употребляется *and*, т.е. нормально маркируется общность микротемы пропозиций («занятие детей в данный момент»). Ср.

- (21) *Kate is drawing, and Peter is playing with the cat.*

Подробнее о таких стратегиях (см. Rudnitskaya, Uryson 2008).

4. Сложносочиненное предложение и контекст

Если сложносочиненное предложение является частью текста, то на выбор союза влияет также предтекст (одна из первых работ на эту тему — статья ван Дейк 1978; наши данные отличаются от разбираемых ван Дейком). Предтекст может индуцировать свое ожидание, и оно важнее сценарного. Ср.

- (22) *Мы условились, что когда станет тепло, я не буду снимать шубу. Стало тепло (Q), и/*но я не снимал шубу (P) [субъективное ожидание: договор не нарушают].*

В тексте важна связность, поэтому даже при нарушении сценарного ожидания говорящий может маркировать сохранение инерционного. Ср.

- (23) *Утром начался дождь (Q), но/а детей повели на пляж (P) [сценарное ожидание: детей не повели на пляж; несоответствие этому ожиданию]*

vs.

- (24) *Утром начался дождь (Q), и детей повели на пляж (P). Многие впервые увидели море в непогоду [соответствие инерционному ожиданию].*

Предложение является частью текста, поэтому описание предложения как отдельного сообщения, вне какого-либо контекста, — это дань грамматической традиции. Такое описание может служить лишь подспорьем для описания предложения как фрагмента текста.

5. Заключение

Мы попытались объяснить, почему в некоторых сложносочиненных предложениях возможна замена противительного союза *но/а* на соединительный союз *и*. Для этого нам пришлось ввести понятие о двух типах норм — объективной норме, отражающей законы природы, и субъективной норме, отражающей наши представления о том, как должны действовать люди, как должна протекать человеческая жизнь и т. п. Соответствие норме всегда маркируется союзом *и*. Что касается нарушения нормы, то оказалось, что оно маркируется не обязательно.

Всегда маркируется (союзом *но/а*) несоответствие объективной норме. Ср. *Стоял сильный мороз, и река замерзла* [соответствие норме] — *Стоял сильный мороз, но река не замерзла* [несоответствие норме]. Между тем нарушение

субъективной нормы может маркироваться союзом (*но/а*), но может вообще не отмечаться. Ср. *Она сказала, что вышла замуж, и это была правда* [соответствие норме] — *Она сказала, что вышла замуж, но/и это была неправда* [несоответствие норме].

Найти другие надежные формальные различия между выделенными двумя типами сложносочиненных предложений не удалось. Однако предложенная интерпретация материала согласуется с описанием некоторых других, достаточно больших и разнородных фрагментов лексики, для которых также оказалось необходимым расщепить понятие нормы на два более узких (Урысон 2011б). Тем самым, предлагаемое описание выбранных союзов системно: оно использует понятия, необходимые для представления целого ряда классов слов.

Естественно предположить, что для адекватного представления языковых фактов требуется предусмотреть в базе знаний два «раздела»: в одном отражается объективная картина мира, а в другом — субъективная картина мира (представление об идеале).

Норма тесно связана с ожиданием: знанием нормы индуцируется определенное ожидание того, что имеет место или будет иметь место. Казалось бы, понятие ожидания избыточно для описания выбранных союзов. Однако выяснилось, что это не так: существует большой класс сложносочиненных предложений с союзами *и*, *но/а*, которые естественно описывать, используя понятие ожидания, а не нормы.

Дело в том, что в целом классе случаев ожидание вызвано не представлением о норме, а обусловлено некоторой инерционностью нашего сознания, его настроенностью на определенное продолжение высказывания. Это согласуется с общеизвестной теорией установок восприятия (Узнадзе 1948). Сохранение такого ожидания тоже маркируется союзом *и*, а его нарушение союзом *но* или *а*. Ср. *Петя готовится к экзаменам, и Вася заболел (в футбол поиграть не с кем)* [союз *и* маркирует общую тему «во дворе нет знакомых ребят»] vs. *Петя готовится к экзаменам, а Вася заболел (вот почему не с кем в футбол поиграть)* [союз *а* маркирует смену объекта в фокусе: ‘Петя’ vs. ‘Вася’]. Выбор союза в данном случае обусловлен стратегией построения высказывания, которая отчасти предопределена конкретным языком, но отчасти выбирается говорящим.

Нам удалось описать достаточно разнородный класс сложносочиненных предложений, используя единое понятие ‘ожидание’. Само ожидание может быть разной природы, т. е. может быть обусловлено разными факторами. Природа ожидания определяется исходя из энциклопедического значения конъюнктов. Таким образом, наше описание отличается от описания В. З. Санникова (1989), в котором в качестве исходного понятия используется понятие нормы. Мы подтвердили мысль Е. В. Падучевой (2004), что данный компонент является строевым компонентом семантической системы языка (или системообразующим смыслом по Апресяну). Преимущество предложенного подхода перед описаниями отдельных сочинительных союзов в том, что все они описываются с помощью единого базового понятия.

Для описания выбора союза *и* vs. *но/а* оказалось удобным не «портретировать» данные союзы, выделяя в них разные значения, а работать с каждым союзом, в том числе и с союзом *и*, как с цельной единицей. Такой подход может оказаться особенно удобным для описания художественных, в частности стихотворных, текстов.

Предложенное описание является теоретической моделью, которую необходимо верифицировать с помощью психологических и, возможно, других экспериментов.

Работа поддержана грантами РГНФ № 13-04-00307а и № 15-04-00441а, НШ-3899.2014.6, а также грантом ОИФН РАН.

Литература

1. Апресян Ю. Д. 1974. Лексическая семантика. М.: «Наука».
2. Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: «Наука».
3. Вольф Е. М. 1986. Функциональная семантика оценки. М.: «Наука».
4. Дейк ван 1978. Вопросы прагматики текста // НЗЛ, вып. VIII. Лингвистика текста. М.: «Прогресс» [van Dijk, Issues in the pragmatics of discourse. Univ. of Amsterdam, 1975].
5. Левин Ю. И. 1970. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза.
6. Падучева Е. В. 2004. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК.
7. Санников В. З. 1989. Русские сочинительные конструкции. М.: «Наука».
8. Сепир Э. 1944/1985. Градуирование: семантическое исследование // НЗЛ. Вып. XIV. М.: «Прогресс» [Sapir. Grading, a study in semantics // Philosophy of science. Vol. 11. 1944. № 2.]
9. Узнадзе Д. Н. 1949. Экспериментальные основы психологии. Тбилиси.
10. Урысон Е. В. Русский союз и частица И: структура значения // ВЯ. 2000. № 3.
11. Урысон Е. В. Союз А как сигнал поворота повествования // Логический анализ языка. Семантика начала и конца/Отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Д. Арутюнова. М. 2002.
12. Урысон Е. В. Некоторые значения союза А в свете современной семантической теории // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2.
13. Урысон Е. В. Семантика союза НО: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. 2006, № 5.
14. Урысон Е. В. 2011а. Опыт описания семантики союзов. М.: ЯСК.
15. Урысон Е. В. 2011б. НОРМА, ОБРАЗЕЦ, ЭТАЛОН, СТАНДАРТ, ШАБЛОН: заметки о полисемии // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК. 2011.
16. Blakemore D. 1987. Semantic Constraints on Relevance. Oxford: Blackwell.
17. Carlson L. 1985. Dialogue games. An approach to discourse analysis. Dordrecht: Reidel.

18. *Kalkova T., V. Podlesskaya* 2001. The order of syntactic constituents vs. the order of discourse units: the case of Russian adversative constructions // *Item order: its variety and linguistic and phonetic consequences*. Prague: Karolinum Press.
19. *Kitis, E.* 2000. Connectives and frame theory // *Pragmatics and cognition*, vol. 8, N 2.
20. *Lakof R.* 1971. If's, and's, and but's about conjunction // *Studies in linguistic semantics*. N.Y: Holt, Reinhart, Williams.
21. *Rudnitskaya E., E. Uryson* 2008. Toward a semantic typology of coordination // *Subordination and coordination strategies in North Asian languages*/Ed. E. J. Vajda. John Benjamins Publ. Company: Amsterdam — Philadelphia.

References

1. *Apresyan Yu. D.* (1974), *Lexical semantics [Leksicheskaya semantika]*, Nauka, Moscow.
2. *Arutyunova N. D.* (1988), *Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact. [Tipyazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt]*, Nauka, Moscow.
3. *Blakemore D.* (1987), *Semantic Constraints on Relevance*. Oxford: Blackwell.
4. *Carlson L.* (1985), *Dialogue games. An approach to discourse analysis*. Dordrecht: Reidel.
5. *Dijk van* (1975), *Issues in the pragmatics of discourse*. Univ. of Amsterdam.
6. *Kalkova T., V. Podlesskaya* (2001), *The order of syntactic constituents vs. the order of discourse units: the case of Russian adversative constructions*, in *Item Order: its Variety and Linguistic and Phonetic Consequences*. Prague: Karolinum Press.
7. *Kitis, E.* (2000), *Connectives and frame theory*, *Pragmatics and cognition*, vol. 8, N 2.
8. *Lakof R.* (1971), *If's, and's, and but's about conjunction*, *Studies in linguistic semantics*. N.Y: Holt, Reinhart, Williams.
9. *Levin Yu. I.* (1970), *On a group of Russian conjunctions [Ob odnoy gruppe soyuzov russkogo yazyka]*, *Machine translation and applied linguistics [Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika]*, Vol. 13, Moscow.
10. *Paducheva E. V.* (2004), *Dynamic models in lexical semantics [Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki]*, *Yazyki slavyansrikh kul'tur*, Moscow.
11. *Rudnitskaya E., Uryson E.* (2008). *Toward a semantic typology of coordination*, in *Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages*, Ed. E. J. Vajda, John Benjamins Publ. Company: Amsterdam — Philadelphia.
12. *Sannikov V. Z.* (1989), *Russian coordinating constructions [Russkiye sochinitel'nye konstruktsii]*, Nauka, Moscow.
13. *Sapir E.* (1944), *Grading, a study in semantics*, *Philosophy of science*, Vol. 11, № 2.
14. *Uryson E. V.* (2000), *The Russian conjunction and particle I 'and': structure of meaning [Russkiy soyuz I chastitsa I: struktura znacheniya]*, *Questions of linguistics [Voprosy yazykoznaninya]*, № 3.
15. *Uryson E. V.* (2002), *The Russian conjunction A as a marker of a narration turn [Soyuz A kak signal povorota povestvovaniya]*, *Logic analysis of language: Semantics of the beginning and of the end [Logicheskiy analiz yazyka: semantika nachala i kontsa]*, *Indrik*, Moscow.

16. *Uryson E. V.* (2004), Some meanings of the Russian conjunction A in the light of the modern semantic theory [Nekotorye znacheniya soyuza A v svete sovremennoy semanticheskoy teorii], Russian language in scientific elucidation [Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii], № 2.
17. *Uryson E. V.* (2006), The meaning of the Russian conjunction NO 'but': language data on mind functioning [Semantika soyuza NO: dannye yazyka o deyatelnosti soznaniya], Questions of linguistics [Voprosy yazykoznaniya], № 5.
18. *Uryson E. V.* (2011a), A trial of description of conjunctions meaning [Opyt opisaniya semantiki soyuzov], Yazyki slavyansrikh kul'tur, Moscow.
19. *Uryson E. V.* (2011b), The Russian words NORMA 'norm', OBRAZETS 'example', ETALON 'sample', STANDART 'standard', SHABLON 'pattern': notes on polysemy, in Word and Language, Yazyki slavyansrikh kul'tur, Moscow.
20. *Uznadze D. N.* (1949), The experimental foundations of psychology [Experimental'nye osnovy psikhologii], Metsniereba, Tbilisi.
21. *Vol'f E. M.* (1986), Functional semantics of evaluation [Funktsional'naya semantika otsenki], Nauka, Moscow.